

МЕЧТЫ О «КРЕСАХ»

БЕЛАРУСЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ПОЛЬСКОГО «ЛОНДОНСКОГО ЛАГЕРЯ»

Виталий БАРАБАШ,
кандидат
исторических наук

«Белорусский вопрос» в стратегии польского «лондонского лагеря» в годы Второй мировой войны до настоящего времени является одним из самых малоизученных в исторической науке. Напомним, что к «лондонскому лагерю» относились политические и военные партии и организации, действовавшие как на территории оккупированной Польши, так и за ее пределами, и поддерживавшие польское эмигрантское правительство в Лондоне.

В советской послевоенной историографии польское эмигрантское правительство и подчиненные ему структуры рассматривались исключительно как силы империалистической реакции, которые стремились к аннексии Беларуси. Поэтому отечественные исследователи, при однозначно негативной оценке, уделяли деятельности польского «лондонского лагеря» не слишком много внимания. А в историографии Польской Народной Республики на высоком научном уровне был опубликован ряд сборников документов и монографий, затрагивавших белорусский вопрос в международной политике Польши [1; 2; 3]. Специальные работы польских историков были посвящены деятельности ведущих партий Польши, в программах которых можно проследить эволюцию «белорусского вопроса» в период войны [4; 5; 6; 7].

Более благоприятные возможности для научного поиска, ввиду отсутствия политической цензуры, обусловили плодотворную разработку проблем, связанных с внешнеполитической деятельностью Польши, представителями западной историографии и, в первую очередь, польской эмиграции [8; 9]. Однако во многих работах данного направления также присутствуют сознательная тенденциозность и эмоциональные оценки.

Новый этап изучения истории Второй мировой войны в СССР и Польше начинается с конца 80-х годов XX века, когда в процессе демократизации общества происходит отказ от идеологических догматов и ограничений. В Польше на основе изучения раскрытых архивных источников публикуются новые и переиздаются документы о деятельности эмигрантского правительства Речи Посполитой и руководства польского движения Спротивления [10; 11]. Выходит ряд исследований, в которых предложена несравненно более достоверная дипломатическая история Польши [12; 13]. Данные публикации позволяют расширить представление о польской внешней политике на восточном направлении.

Специальные работы «белорусскому вопросу» посвятил Ю. Туронок [14]. Проблема освещается им в спектре деятельности польской эмиграции и подчиненных ему структур политического и военного подполья. Обзор восточного вектора в программах польских политических партий и организаций представлен в монографии П. Эберхардта [15].

Но в отечественной историографии данная проблема, за исключением некоторых аспектов, до настоящего времени не нашла своего отражения. В предлагаемой статье автор ставит задачу на основе современных исследований и новых источников представить место и эволюцию «белорусского вопроса» в геополитических концепциях польского «лондонского лагеря» в 1939–1945 годах.

Дипломатическая борьба, развернувшаяся в период Второй мировой войны за статус западных территорий Беларуси и Украины, завершилась тем, что главы антифашистской коалиции признали их принадлежащими СССР. В связи с этим известно высказывание премьер-министра Великобритании У. Черчилля, что промышленно развитые германские районы, которые предполагалось передать после войны Польше, «гораздо ценнее пинских болот» [16, с. 226].

В довоенной Польше сложился стереотип о восточных «кресах» как об отсталом, аграрном регионе. Тем не менее в геополитических программах представителей польского «лондонского лагеря» им придавалось большое значение. В документах, разработанных его структурами, делался акцент на роли Польши как представителе «христианской цивилизации» на Востоке и на ее вкладе в защиту «общечеловеческих идеалов». Или же, как провозглашала декларация Рады Народовой (совещательного органа президента и правительства Польши) от 23 января 1940 года, «ее исторической роли среди славянских народов» [2, с. 142]. Польско-советская граница 1921 года рассматривалась как граница Европы и Азии, культуры латинской и восточной, свободы и системы организованного рабства [11, с. 30].

Целью политики польского «лондонского лагеря» являлось завоевание Польшей такой позиции, при которой ей не угрожала бы опасность ни с востока, ни с запада. Исходя из этого, в деятельности подчиненных ему структур ставилась задача утверждать необходимость восстановления советско-польской границы по меньшей мере по состоянию на август 1939 года. Сохранение северо-восточных «кресов» объявлялось одним из условий обороноспособности Польши, поскольку потеря этих районов означала бы непосредственную угрозу политическим, экономическим и коммуникационным центрам. Первоочередное стратегическое значение придавалось железнодорожной линии Вильно – Барановичи – Лунинец – Сарны – Ровно – Львов [11, с. 30].

По мнению аналитиков польского «лондонского лагеря», восстановление восточной границы Польши по черте от 28 сентября 1939 года образовывало бы слишком узкую территорию с востока на запад, что не позволило бы провести масштабную тактическую операцию. Более того, невозможно было бы создать независимую систему противовоздушной обороны. Сокращенная до указанных размеров, Польша обладала бы только 60 % прежнего населения, что также стало бы значительным ослаблением оборонного потенциала. Фактически страна могла быть низведена до положения типичного буфер-

ного государства, без собственной военной индустрии и возможности вести серьезные оборонительные действия. А в итоге – стать частью операционного района одного из мощных соседей, и значит, попасть в подчинение и с военной, и с политической точки зрения [17, l. 236–237].

Целью обеспечения обороноспособности государства обосновывалась и необходимость значительного продвижения границы на восток по сравнению даже с 1921 годом. Так, в заметках, подготовленных Департаментом иностранных дел Делегатуры правительства на родине от 9 июля 1942 года, именно на белорусском участке определялись рубежи, которые дали бы Польше естественный заслон. А этим целям якобы соответствовала только граница 1772 года. Редконаселенные районы Беларуси планировалось сделать территорией колонизации, вслед за которой пойдет колонизация. Как обосновывалось в документе: «На востоке мы можем иметь только две логичные границы: или Днепр, или Буг. Если мы хотим быть народиком, не народом, выберем Буг. Если, однако, мы имеем стремление к великому и прочному государству, – боремся за границу, единственно достойную Польши, границу на Днепре и Тетереве» [18].

Польскую экспансию на восток оправдывали также требованием «возмещения Советами потерь, которые мы понесли из-за их нападения и оккупации в людях и материально». Речь шла о событиях 1939–1941 годов. Наибольшим достижением польской восточной политики стало бы расчленение СССР на ряд независимых национальных государств. Только это обеспечило бы Польше безопасность с востока и дало бы ей возможность стать центром, вокруг которого группировались более слабые народы [19, k. 57–58].

«Кресовая» проблематика занимала важное место и в программных документах ведущих политических партий польского «лондонского лагеря». Несмотря на различия, в программах превалировал принцип территориальной целостности и восстановления границ до сентября 1939 года. Базовые доктрины правых партий Стронництво народове (Национальной партии) и Стронництво працы (Партии труда), входивших в кабинет В. Сикорского, в 1939–1943 годах предусматривали

БАРАБАШ

Виталий Васильевич.

Родился в 1966 году в городе Рудный Кустанайской области (Казахстан).

В 1988 году окончил исторический факультет Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Работал учителем истории в средней школе № 26 Гродно. Закончил аспирантуру Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

С 1996 года – сотрудник кафедры общественных наук УО «Гродненский государственный аграрный университет».

Кандидат исторических наук, доцент.

Автор ряда научных публикаций.

Сфера научных интересов: Беларусь в советско-польских отношениях периода Второй мировой войны.

65
гадоў
ВЫЗВАЛЕННЯ
БЕЛАРУСІ

аннексию и ассимиляцию всей Беларуси. Земли до Двины и Днепра рассматривались как польский цивилизационный простор, на котором белорусский и украинский народы должны вернуться в польское государственное и культурное сообщество [14, с. 465]. Опубликование экспансионистских проектов на страницах польской эмигрантской печати вызвало в начале 1943 года острую реакцию советской стороны. В газете «Правда», естественно, по согласованию с высшим руководством, была помещена статья А. Корнейчука, в которой правительство В. Сикорского обвинялось в стремлении отторгнуть от Советского Союза украинские земли и основать восточную границу Польши на Днепре

Подписание договора о дружбе между СССР и Правительством Польши в изгнании. Москва, 30 июля 1941 года

и Черном море [13, с. 195]. В ответ польское правительство в официальном заявлении от 25 февраля 1943 года было вынуждено опровергнуть данные подозрения как совершенно нелепые. Подтверждалась приверженность неизменной позиции, что в вопросе о границах между Польшей и Советским Союзом сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 года [20, с. 350].

Акцентом политических концепций польского «лондонского лагеря» стал тезис, согласно которому жизнеспособность свободных и суверенных государств в Центральной и Восточной Европе было и является функцией существования сильной и независимой Польши [2, с. 142]. В интервью газете «Санди Таймс» 11 января 1942 года и. о. министра иностранных дел Речи Посполитой Э. Рачиньский среди прочего заявил: «Россия находится далеко от центра Европы и поглощена в такой же степени азиатскими, как и европейскими проблемами. Поэтому необходимо создать в Европе центр сил, могущих обеспе-

чить сотрудничество в целях сохранения европейского равновесия без гегемонии и угнетения». Своей стране Э. Рачиньский отводил одну из ключевых позиций в Европе: «Самое ее существование в качестве независимого государства является существенной гарантией независимости скандинавской и балтийской группы стран на севере и дунайской группы стран на юге. Доказательством этого является тот факт, что поражение Польши в 1939 году немедленно привело к поражению или к капитуляции других стран этого района» [21].

В то же время, согласно стратегии польского «лондонского лагеря», значительно урезанная территориально Польша не могла оставаться столпом политического равновесия в центральной зоне Европы. Владение северо-восточными землями рассматривалось как ось сотрудничества с балтийскими странами и блоком государств Северной Европы [11, с. 30; 17, л. 237]. Соответственно разрабатывался проект создания в Восточной и Центральной Европе конфедерации во главе с Польшей, которая могла бы являться противовесом как Германии, так и СССР. Данная концепция строилась на расчетах, что из войны обе эти страны выйдут значительно ослабленными и это даст возможность западным союзникам играть ведущую роль в политическом устройстве Европы [2, с. 203]. Будущее белорусов виделось возможным только в границах польского государства, единственно способного оказать им необходимую помощь (политическую и возможно военную) в борьбе с Россией [11, с. 33].

Примечательно, что в геополитических концепциях польской эмиграции высоко оценивался экономический потенциал западных территорий Беларуси и Украины. обстоятельный анализ данной проблемы представил профессор В. Вельгорский в докладе «Значение польских восточных провинций для Польской Республики», прочитанный в 1942 году в Эдинбурге для «Ассоциации поляков северо-восточных областей» и изданный позже в виде брошюры. По его утверждению, в случае потери восточных «кресов» будет остро ощущаться утрата энергетических источников, жизненно необходимых для польской экономики. Кроме того, «восточные про-

ЛИТЕРАТУРА

1. Sprawa polska w czasie Drugiej Wojny Swiatowej na arenie międzynarodowej // Zb. dok. / komitet redak.: T. Cieślak [i inni]. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1965.
2. Kowalski, W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945) / W. Kowalski: w 2 t. – Warszawa: Książka i wiedza, 1985. – Т. 1.

винции» Польши располагали 56,6 % лесного массива страны. Одной этой цифры достаточно, чтобы показать, как потеря этих районов могла отразиться на снабжении польского государства топливом и лесом – самыми необходимыми материалами в период послевоенной реконструкции. Также была бы утрачена половина запасов торфа и 42 % всего количества водной энергии Польши. Но в первую очередь восточные «кресы» являлись аграрным регионом с весьма большими возможностями для развития в этом направлении. Из общих сельскохозяйственных ресурсов Польши именно здесь располагались 42 % пахотной земли, садов и огородов и 63 % лугов и пастбищ. В данном регионе, преимущественно в его северо-восточной части, было сосредоточено и производство сырья для польских текстильных предприятий. В результате проведения работ по осушению болот в бассейне Припяти «кресы» превратились бы для Польши в главных поставщиков молока, масла, жиров, мяса и кожи. Они не только могли снабжать промышленные центры страны, но и внесли бы важный вклад в соответствующие статьи экспорта. На основании вышесказанного В. Вельгорский делал вывод, что белорусские и украинские земли тесно связаны с самыми основными отраслями польской экономики и составляют гармоничное дополнение западной части страны. «Угроза, которой мы опасаемся, заключается в отрыве живой части организма, который повлечет за собой тяжелые последствия для экономической жизни обеих частей» [17, l. 238–240].

Постулат восстановления довоенных восточных рубежей обосновывался аналитиками Делегатуры и тем, что значительная численность польского населения, проживавшего на «кресах», при ином решении границ может быть окончательно потеряна для Польши. Среди других национальностей, проживавших на этих землях, поляки представляли собой самую сильную группу в культурном и экономическом отношении. Вместе с тем, аналитики не видели причин опасаться избытка белорусского населения в Польше, считая: это меньшинство не причинит беспокойства полякам; Беларусь не имеет условий для самостоятельной государственности; белорусский элемент не слишком многочис-

ленный, с несформированным национальным самосознанием; ощущается нехватка интеллигенции, а также отсутствуют другие необходимые условия: военные, экономические, геополитические (никогда не было независимой Беларуси, нет выхода к морю и возможностей для индустриализации). Признавалось, что «хотя белорусы являются ценным народом, он требует, однако, еще усиленной работы над собой» [11, s. 30–31, 33, 36]. В этом ему должна была оказать помощь Польша. В будущем же Беларуси следовало «уделить интенсивнейшую польскую культурную и экономическую опеку» [19, k. 60]. В директивах польского правительства предписывалось насколько возможно уклоняться от представления белорусского вопроса, «учитывая его искусственность, поскольку собственно эта проблема на международной арене не существует, а была выдвинута или Россией, или Германией в явно антипольских целях» [10, t. 5, s. 339].

Руководители польского «лондонского лагеря» обещали исправить ошибки довоенного санационного правительства, совершенные в отношении национальных меньшинств Польши. Формировалось осознание важности их привлечения на свою сторону. В рапортах и телеграммах коменданта Армии Крайовой С. Ровецкого, направленных эмигрантскому правительству в 1943 году, ставился вопрос о необходимости гарантировать белорусам полноту национального развития в границах польского государства, что, среди прочего, должно было выразиться «во введении территориального самоуправления, в допуске белорусского языка в учреждения и суды, в развитии образования и сохранении белорусской культуры». Наряду с этим, учитывая доминирующие среди белорусского населения настроения, объединить его вокруг польской идеи могло «улучшение экономического положения через признание индивидуальной крестьянской земельной собственности и ее увеличение путем рациональной сельскохозяйственной реформы». Благоприятно на межнациональных отношениях должно было сказаться «оздоровление профессиональной структуры непольского населения, в особенности допущение его в некоторые области государственной службы» [22, t. 6, s. 322–330].

3. Zaroń, P. Kierunek wschodni w strategii wojskowo-politycznej generała Władysława Sikorskiego 1940–1943 / P. Zaroń. – Warszawa, 1988.

4. Dąbrowski, S. Koncepcje powojennych granic Polski w programach i działalności polskiego ruchu ludowego w latach 1939–1945 / S. Dąbrowski. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1971.

5. Wizje Polski. Programy polityczne lat wojny i okupacji 1939–1945 // Zb. dok. / oprac. K. Przybysz – Warszawa, 1992.

6. Andrusiewicz, A. Stronictwo Pracy 1937–1950. Ze studiów nad dziejami najnowszych chadekji w Polsce / A. Andrusiewicz. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1988.

7. Terej, J. Idee, mity, realia. Szkice do dziejów Narodowej Demokracji / J. Terej. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1971.

8. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945 / W. Pobóg-Malinowski: w 3 t. – Londyn, 1986. – T. 3.

9. Karski, J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945 od Wersalu do Jałty / J. Karski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992.

10. Protokoły z posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej // Zb. dok.: w 7 t. / pod. red. M. Zgórnika. – Kraków: Secesja, 1994–2001.

11. Archiwum A. Bienia. Akta narodowościowe (1942–1944) / pod. red. L. Nowak [i inni]. – Kraków, 2001.

12. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X–XX w.): w 5 t. / pod. red. W. Michowicza. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – T. 5.

13. Słusarczyk J. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945 / J. Słusarczyk. – Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2000.

14. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.

15. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia. 1939–1945 / P. Eberhardt. – Warszawa: Editions spotkania, 1993.

16. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль: в 3 кн. – М.: Воениздат, 1991. – Кн. 3.

17. «Партизанское движение в Польше». Заметки о Польше. 1942–1944 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. – Фонд 625. – Оп. 1. – Д. 67.

18. Notatki Delegatury Rządu Rzeczypospolitej na kraj. Departament Spraw Zagranicznych. 1942–1943 г. // Archiwum Akt Nowych (AAN). – 202 / XIX-16, k. 11–14.

19. Poczta wysłana do Rządu: Sprawozdania z działalności Delegatury, informacje o sytuacji w kraju, o polityce okupanta, o organizacjach konspiracyjnych. 1943 г. // AAN. – 202 / 1 / 34.

20. Документы и материалы по истории советско-польских отношений // Сб. док. в 12 т. – М.: Наука, 1963–1985. – Т. 7.

21. Дело по интервью Рачинского – Министра Иностранных Дел Польши при Лондонском Правительстве, сделанного корреспонденту газеты «Санди таймс». 1942 г. // Архив Внешней политики Российской Федерации. – Фонд 6. – Оп. 4. – П. 20. – Д. 216. – Л. 1.

22. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945: w 6 t. / pod. red. T. Pełczyńskiego. – Wrocław – Warszawa, 1990.

23. Przybylsz, K. Partie polityczne Polski podziemnej 1939–1945 / K. Przybylsz. – Warszawa, 2006.

24. Uchwały Rady Jedności Narodowej w sprawie Jałty // Zeszyty Historyczne. – 1975. – № 33.

Обеспечение этническим меньшинствам в послевоенной Польше полных прав для свободного национального, общественного, хозяйственного и культурного развития провозглашали в своих программах ведущие партии и группировки польского политического лагеря: Стронництво людове, Стронництво народове, Стронництво працы, ППС (Польская социалистическая партия), Санация и др. [4, s. 90–93; 5; 15, s. 87–89].

В целом необходимость поиска соглашения с этническими общностями признавалась как естественное требование государственных интересов и рассматривалась как одно из основных условий благополучного разрешения проблем восточных территорий со смешанным населением. Было опасение, что межнациональные конфликты в этом регионе могло использовать в своих интересах советское руководство, получив предлог для вооруженной интервенции. При этом учитывался опыт сентября 1939 года, когда выступление Красной Армии против Польши обосновывалось СССР защитой белорусского и украинского населения от «империализма польских панов» [22, t. 6, s. 330–331].

Однако решение проблем этнических меньшинств в период войны ограничивалось общими и мало к чему обязывающими декларациями. На заседаниях польского правительства несколько раз обсуждалась возможность вхождения в состав Национальной Рады вместе с поляками и представителей других национальностей. По мнению министров, привлечение украинцев и белорусов требовалось по причине притязаний Советов на восточные «кресы» [10, t. 1, 114–115; t. 4, s. 105]. Однако дальше дискуссий дело не продвинулось – белорусы и украинцы так и не получили мест в Национальной Раде [10, t. 1, s. 121; 14, c. 464].

Изменение военно-политической обстановки в пользу СССР заставляло стратегов польского «лондонского лагеря» вносить коррективы в свои амбициозные планы. На смену великодержавным тенденциям, существовавшим в первые годы войны, приходило понимание слабости собственных сил в сравнении с советской военной мощью. Это ставило под сомнение все прежние геополитические концепции, связанные с восточным вектором. На

повестку дня выступал уже вопрос о возможности сохранения территориального размежевания от 1921 года. Со временем подверглись эволюции и национально-радикальные программы Стронництва народowego и Стронництва працы. В 1944–1945 годах эти партии вслед за другими официально высказались за восстановление рубежей согласно Рижскому договору [15, s. 176; 23, s. 213].

Окончательно надежда польского «лондонского лагеря» на помощь западных союзников в восстановлении границ 1939 года рухнула после московской конференции на высшем уровне в октябре 1944 года. Это привело к расколу в его рядах. Премьер-министр С. Миколайчик вместе со своими единомышленниками из Стронництва людового согласился принять «линию Керзона». Но, не встретив поддержки у представителей трех других партий, они вышли из Кабинета министров. Образованное 29 ноября 1944 года правительство Т. Арцишевского занимало прежнюю и неизменную позицию по территориальному вопросу до конца войны. Следует отметить, что она была обусловлена поддержкой польского «лондонского лагеря».

Окончательное решение лидеров антифашистской коалиции о принадлежности СССР западных белорусских и украинских территорий, принятое на Ялтинской конференции 1945 года, вызвало новое размежевание по этому вопросу среди польских политических сил. На заседании 21 февраля 1945 года Рада национального единства, выполнявшая функции подпольного парламента, приняла резолюцию, в которой, протестуя против односторонности Ялтинских постановлений, вынуждена была их признать, «желая видеть в них в настоящей действительности возможность спасения независимости Польши» [24, s. 77–78].

Таким образом, в период Второй мировой войны польский «лондонский лагерь», продолжая довоенную инкорпоративную политику своего государства, рассматривал западнобелорусские земли как неотъемлемую и ценную во многих отношениях часть Польши. Убежденность, что в споре о восточной границе можно рассчитывать на Запад, игнорируя интересы СССР, оказалась несостоятельной. ■